И.Н.Буздалов

НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются научные основы аграрной политики, показываются направления модернизационной стратегии ее осуществления. Отмечается отставание в научной разработки проблемы, анализируются условия, необходимые для реализации этой стратегии, обосновываются конкретные меры по обеспечению указанных условий. Подчеркивается особая важность придания аграрной политики ее протекционистской направленности на системную модернизацию производства и социально-трудовой сферы сельского хозяйства России.

In the article scientific basis of agrarian policy is considered and destinations of modernization strategy of its existence is shown. The lag in scientific development of problem is pointed out, conditions needed for realization of this strategy are analysed and exact measures of providing these conditions are explained. Emphasis is made on the importance of giving the agrarian policy its protectionist orientation on system modernization of manufacture and social sphere of agriculture in Russia.

Ключевые слова: аграрная политика, научные основы, модернизационная стратегия, аграрный протекционизм, опыт развитых стран, экономический механизм, аграрное законодательство.

Keywords - agrarian policy, scientific basis, modernization strategy, agrarian protectionism, experience of developed countries, economic mechanism, agrarian law.

Научная концепция аграрной агропродовольственной, сельскохозяйственной) политики сочетает в себе общие объективно обусловленные целеустановки государства в деле регулирования социально-экономического развития страны с особыми подходами к этому регулированию в сельском хозяйстве и всей системе агропромышленного комплекса. Этим предопределяется сущность, направления и механизмы осуществления аграрной политики, как относительно обособленной составляющей общей экономической политики государства.

Обзор специальной научной литературы и энциклопедических изданий между тем показывает, что понятие политика применительно к экономике трактуется далеко неоднозначно, часто весьма расплывчато или явно произвольно, причем таким трактовкам можно найти формальные объяснения. Дело в том, что политические решения в области экономического и связанного с ним социального развития, в частности, в

сельском хозяйстве нередко противоречат объективным законам этого развития и базируются на субъективных представлениях или волюнтаристских увлечениях властей, принимающих эти решения. Поэтому не случайно В.И.Даль в своем Толковом словаре определял политику как «виды, намерения и цели государя, немногим известные и образ его действий при сем нередко скрывающий первые. Политик умный, ловкий (не всегда честный) государственный деятель».

Иначе говоря, политика, как научно обоснованное, профессиональное участие властей в делах государства, касающихся развития экономики может подменяться политиканством, вплоть до произвола этих властей, по меньшей мере, «уклончивого», популистского образа действия, которое иногда и служит явно искаженной основой для субъективной трактовки понятия экономической политики. Этой уклончивостью, ложностью политических целеустановок грешили большевики, обещав землю – крестьянам, фабрики и заводы – рабочим, а всем и каждому – «светлое будущее». Заведомо невыполнимые обещания, декларации, в лучшем случае, полумеры, движения «шаг вперед – два назад» - достаточно распространенное явление в той или иной мере характерное даже для стран с официальной приверженностью к принципам демократии, гражданского общества, обоснованиям научного сообщества, не говоря уже о странах, где основанные на идеологических догмах действия «государя» (царя, генсека, президента, национального лидера и т.д.) или «коллегиального руководства» (хунты, политбюро и т.д.) не имеют логически завершенных демократических ограничений и развитых институтов правового государства.

К числу последних имеются определенные основания отнести Россию с ее явно неокрепшим, «рыхлым» гражданским обществом, отсутствием четкого разделения властей, признаков действительной независимости суда, проявлениями «телефонного права» и т.д., что позволяет высшему руководству подменять политические решения, основанные на достижениях науки, решениями, в частности, в области аграрной политики «по

усмотрению», кажущейся (в действительности ложной) целесообразности, по собственному понятию или очевидной прихоти. В этих условиях задача экономической науки, других общественных наук заключается в выявлении того, насколько аграрная, как и вся экономическая политика соответствует ее объективно обусловленным научным основам, фундаментальным теоретическим положениям и определить, что нужно изменить в этой политике, чтобы обеспечить необходимое соответствие.

Применительно к нынешней российской действительности, особенно в сельском хозяйстве, остающимся в полосе затяжного и глубокого системного кризиса, эта задача представляется особенно актуальной, первостепенной и неотложной, т.к. речь идет о судьбе крестьянства – корневой системы нации и возрождении села – основного незаменимого источника поддержания активной жизнедеятельности и здоровья человека. В исходном пункте решения указанной задачи необходимо, во-первых, аргументировано и доказательно определиться в самом понятии аграрной политики, во-вторых, четко сформулировать ее научные основы, определяющие теоретические принципы и, в-третьих, обосновать направления, методы и механизмы осуществления аграрной политики, отвечающие этим основам и принципам.

Нет нужды доказывать, что в эволюционно развивающемся обществе, в условиях правового государства, подлинного народовластия, независимости суда и т.д. определяющие политические целеустановки властей в области экономического и социального развития по определению должны иметь под собой всесторонние теоретические обоснования, быть прозрачными, отражаться в правовых актах, в подконтрольных обществу действиях исполнительных, управленческих и хозяйственных органах разных уровней, других институтов государства. Несоответствие этих целеустановок по ключевым проблемам сельского развития страны указанным исходным предпосылкам общего концептуального подхода к проблеме ведет к подмене настоящей аграрной политики политиканством, неэффективным государственным решениям в этом развитии, различиям в понимании

соотношения политики и экономики, стремлениям превращать политику во всеохватывающую «командную силу».

При всей абстрактности, нежизненности «краеугольных» положений марксистского экономического учения (о праве и формах собственности, роли и функциях рыночных отношений, кооперации, крестьянстве, земельной, в частности, «абсолютной» ренте и т.д.) вряд ли можно привести серьезные возражения против доводов об обусловленности экономической политики объективными закономерностями развития экономических отношений. «Политику… необходимо объяснять экономическими отношениями, а не наоборот» [1]. Такому пониманию соответствует известное ленинское определение политики как «концентрированного выражения экономики». Тем не менее, до сих пор помимо смещения акцентов в соотношении политики и экономики в само понятие экономической, в том числе аграрной политики вкладывается разный смысл, смешивается ее сущность, стратегические целеустановки с направлениями, мерами ее практического осуществления. Так Экономическая энциклопедия «Политическая экономия» экономическую политику определяет как «систему мероприятий», осуществляемых государством в области экономического развития, причем в досоциалистических формациях «в интересах господствующего класса», а при социализме – «в интересах всего общества» [2]. Тот же смысл вкладывался в понятие аграрной политики [3].

Сейчас идеологическая окраска соответствующих определений представляется неуместной, наивной, но в общем методологическом плане имеющиеся формулировки страдают той же подменой стратегического курса в экономическом развитии сельского хозяйства практическими мерами по его реализации, расплывчатостью, неоднозначностью этих формулировок. В одном случае аграрная политика представляется как «последовательная реализация системы мер для перехода агропромышленного производства из одного состояния в другое» [4], в другом – как «совокупность идей, целей, средств и методов формирования и регулирования отношений между

городом и деревней и в самой деревне, а главное решение продовольственного вопроса» [5], в третьем – как «определение соответствующих целей и ресурсное обеспечение их достижения, установление стратегических приоритетов, дополненных механизмом их обоснованного тактического корректирования» [6].

Есть и другие излишне усложненные, замысловатые формулировки понятия аграрной политики, в которых, как и в приведенных выше, отсутствует акцент на главную ее цель – на создание сельскому производителю всех необходимых для творческого высокопроизводительного труда, гарантированных государством условий жизнедеятельности. Только в рамках реализации этой цели аграрная экономика, вся агропродовольственная система страны перейдет в новое качественное состояние, только на этой основе может успешно решаться «продовольственный вопрос», обеспечиваться другие «стратегические приоритеты» и т.д.

Пока приведенные суждения в отношении понятия, общей концепции аграрной политики свидетельствуют об отставании, слабости, отсутствии определенности разработки ее научных основ. В этих условиях властям открывается широкий «простор» определять стратегию этой политики, соответственно, устанавливать систему мер по ее осуществлению «по усмотрению» и получать адекватные этим мерам результаты в решении как продовольственного, так и всей совокупности вопросов социально-экономического развития сельского хозяйства.

Из вышеизложенного следует, что аграрную политику можно считать научно обоснованной, если заложенные в ней законодательно закрепленные целеустановки государства исходят из объективных закономерностей развития аграрных отношений и отвечают задачам обеспечения занятых в сельском хозяйстве необходимых материальных и социальных условий и стимулов высокоэффективной трудовой деятельности [7]. Степень научной обоснованности, следовательно, эффективности такой политики тем выше,

чем полнее учитывается в ней их базовый статус, особая роль и многофункциональная отраслевая специфика сельского хозяйства, определяющие общественную необходимость его приоритетной государственной поддержки.

Эта необходимость вызывается, прежде всего, тем, что в сельском хозяйстве, как первичной базовой отрасли экономики, первоисточнике и движущей силе ее развития производится ничем незаменимая продукция – продовольствие, это «самое первое» условие жизнедеятельности человека. На фоне обостряющейся мировой продовольственной проблемы, голодного и полуголодного существования до 1,5 миллиарда людей, усиливающего социальную напряженность на огромных территориях планеты поддержание необходимой обеспеченности населения продуктами питания – важнейшая предпосылка достижения общей национальной безопасности страны.

Нехватку автоматов, танков, другого накапливаемого в последнее время дорогостоящего вооружения, с которым обычно, прежде всего, связывается обеспечение этой безопасности, люди не заметят. Но даже первые признаки ухудшения положения с продовольствием в сочетании с неизбежным повышением цен на него (реальные, если довольствоваться достигнутыми к 2014 г. результатами отечественного сельскохозяйственного производства в России) приведут население, прежде всего, горожан (а их в стране 73%) в опасное для государства и самих его властей массовое возбуждение с вполне непредсказуемыми последствиями.

Власти, особенно ответственные персоны экономического блока правительства, с подачи бывшего министра финансов А.Кудрина, чтобы самим всерьез не заниматься собственным сельским хозяйством окрестили его «черной дырой» (хотя по опыту развитых стран лоббируемый государством агропродовольственный сектор это действительно настоящий локомотив экономики), к сожалению, смирились с унизительным для великой в царском прошлом мировой продовольственной державы засилием этого импорта. В 2011-2012 гг. его объемы достигли 40 млрд долларов,

превысив товарную продукцию собственного сельского хозяйства о закупочных ценах. Беззаботно взирая на такой удручающий «баланс», эти персоны не хотят или не способны задуматься, к каким последствиям приведет перекрытие по тем или иным причинам каналов этого импорта.

В этих условиях встает вопрос о современной концепции и стратегии аграрной политики России. При этом речь идет не о каких-то косметических корректировках нынешних методов и механизмов аграрной политики, а ее качественно иной модели, базирующейся на прочных научных основах, закономерных глобальных мирохозяйственных процессах. Стратегическим направлением, основной практической задачей такой политики является последовательная интенсификация сельского хозяйства, предполагающая системную модернизацию, т.е. качественное преобразование, радикальное обновление материально-технических и социально-экономических факторов и условий жизнедеятельности в сельском хозяйстве и агропродовольственной системы страны в целом.

Формально курс на модернизацию страны, включая эту систему с ее основным ядром – сельским хозяйством провозглашен и неизменно декларируется властями в последние годы. Но декларациями, которыми особенно отличается принятая в 2010 г. Доктрина продовольственной безопасности РФ поля не удобрить, скот не накормить, дороги и нормальное жилье на селе не построить. А между тем вследствие особой важности сельского хозяйства, ее базового статуса в экономике страны от реальных достижений в осуществлении этих преобразований зависит не только возрождение села, но и прогресс развития общества в целом, прежде всего повышение уровня и качества жизни людей, крайне низкого у сельского населения.

К сожалению, за два десятилетия рыночных преобразований сельское хозяйство, особенно социальная сфера села не вышло из состояния отсталости и деградации. Оно по-прежнему не способно на должном уровне прокормить население страны отечественной продукцией. О крайне

неблагополучном положении нашего сельского хозяйства свидетельствует выпадение за годы реформ из обработки около 40 млн гектаров запустевших и зарастающих кустарником сельскохозяйственных угодий, в том числе и уникальных черноземных земель. Деградирует качество оставшихся в обороте земельных угодий, около 20 тыс сельских поселений исчезло за это время с карты страны, а многие еще оставшиеся обезлюдели. На обширной части сельскохозяйственной территории страны некому работать и даже вести обывательские разговоры о модернизации.

Такого крестьянского производителя, которого называли «сеятелем и хранителем государства», источником его духовных и нравственных сил практически почти не осталось. Ему на смену не пришел класс современных, владеющих последними достижениями науки и техники культурных сельских хозяев. Между тем формирование нового сельхозпроизводителя с мировыми стандартами профессионализма и качества жизни – практически нерешенная острейшая социальная проблема, непременное условие общественной гармонии в стране, ее всесторонней системной модернизации.

Продразверстка, затем, после нэповской передышки, насильственная коллективизация, жестокое раскулачивание, голодомор, война, унесшая миллионы сельчан, сожженные и разграбленные деревни на оккупированной территории, послевоенные хрущевские и последующие эксперименты, бездумные реорганизации управленческих структур, все это тяжелое наследство дает о себе знать и сказывается на нынешней судьбе сельского хозяйства и самого крестьянского сословия.

В предпринятых с начала 90-х годов XX в. стратегически неотложных, но практически спонтанных и сумбурно осуществленных рыночных преобразованиях, полумерах и декларациях по обеспечению приоритета сельского развития, возрождение села в экономической политике государства оказалось на последнем месте. Специфика и роль отрасли в социально-экономическом оздоровлении страны не была оценена, и поэтому и без того подорванное аграрное производство подверглось особенно болезненным

экспериментам и на многие годы отброшено вспять. Допущенные серьезные ошибки и просчеты в отношении сельского развития до сих пор глубоко не проанализированы и тем более не исправлены. Все это позволило академику Л.И.Абалкину не без основания оценить положение в деревне как продолжающуюся *«аграрную трагедию России»* [7].

Под прикрытием воспроизводящего эту трагедию вслепую следования по замысловатому «особому российскому пути» с его «крутыми поворотами» и переворотами, надуманными экспериментами, «амбициозными» проектами и т.д., страна продолжает напоминать спотыкающегося, хромающего спутника, у которого на одной, городской, ноге изрядно поношенный сапог, а на другой – прохудившийся лапоть. Какой-то таинственной обреченности идти по этому загадочному пути умом действительно не понять, но его абстрактный жупел весьма удобен властям для своеобразной иллюстрации российской исключительности и вместе с тем оправдания провалов, абсурдности «исторических» решений в рамках движения по нему и списания этих провалов на «культ личности», перегибы и т.д., возложение вины за них (в данном случае в сельском развитии) на стрелочников-исполнителей.

Достаточно внимательно взглянуть на общее болезненное состояние аграрного сектора страны, на показатели сельской демографии, качество человеческого капитала и производственно-технической базы на селе, использование земельных ресурсов, на состояние социальной и инженерной инфраструктуры, уровень жизни селян, сельскую занятость, трудовую активность, миграцию из села, особенно молодежи, чтобы убедиться в глубине испытываемого современным сельским хозяйством острейшего системного кризиса – наглядного отражения результатов следования по «особому пути» и констатации факта отсутствия в стране внятной государственной стратегии и действенных макроэкономических мер по модернизации и инновационному развитию отрасли.

Исходным и определяющим народнохозяйственным условием такого развития является эквивалентный обмен, ценовая и общая структурная сбалансированность, подкрепленная объективно необходимой дополнительной протекционистской бюджетной поддержкой сельского хозяйства. Государственный приоритет развития сельского хозяйства, как критерий научной обоснованности аграрной политики, ориентированный на обеспечение продовольственной безопасности страны за счет отечественного производства, обусловливается, прежде всего, непредсказуемой зависимостью отрасли от действия стихийных природных сил. Связанные с этим непредвиденные риски снижают привлекательность аграрного сектора для частных инвесторов и предопределяют объективную необходимость активного участия в обеспечении приоритета сельского развития государства. В целях законодательного закрепления указанного приоритета и общей научной концепции протекционистской аграрной политики в 1997 г. был принят Федеральный Закон «О государственном регулировании агропромышленного комплекса», определившего основным источником инвестиций в сельское хозяйство *федеральный бюджет*. Но поскольку аграрная политика проводилась исходя из надуманных представлений о сельском хозяйстве как черной дыре, заботы о поддержании продовольственной безопасности страны во многом перекладывались на зарубежных фермеров. Указанный закон как «неудобный» для проводников этой политики был положен в шкаф и все суждения о приоритете села остались в основном декларацией.

Правда, на 2005-2007 гг. был принят *приоритетный* национальный проект «Развитие АПК». Но за время реализации этого проекта социально-экономическое положение в сельском хозяйстве к лучшему мало изменилось, а импорт продовольствия в страну удвоился. Главную причину декларативности приоритета сельского развития в этом проекте объяснил его инициатор, Президент РФ В.В.Путин: «недопустимо малое» государственное финансирование. Сами СХО при сложившемся диспаритете цен и общей

пресловутой «перекачки» созданного в сельском хозяйстве национального дохода в пользу субъектов его монопольного окружения (включая само государство) заведомо лишались необходимых средств для действительной модернизации, последовательной интенсификации, как главного пути развития сельского хозяйства и по сути основной практической задачи осуществления аграрной политики.

Ценовой диспаритет на аграрную и нужную селу промышленную продукцию имеет место и в других странах, но в России он перешел все разумные границы. Это обусловило рассчитанную при сопоставимой оценке оплаты труда в сельском хозяйстве перманентную убыточность отрасли. Сельскохозяйственные производители ныне затрачивают на покупку трактора, комбайна и т.д. в 6-8 и более раз больше зерна, молока, мяса и т.д., чем до начала реформ. Это главный, но не единственный канал фискальных изъятий из аграрного сектора в другие сектора и сферы экономики подавляющей части вновь созданной в нем стоимости, что лишает отрасль необходимых для реальной модернизации собственных накоплений. Сельское хозяйство оказалось в безвылазной долговой яме, так как кредиторская задолженность СХО, приближающаяся к 2 трлн рублей, также перешла все допустимые размеры, многократно превышает их годовой валовой доход и в 1,5 раза больше выручки от реализации продукции.

Осуществлять модернизацию – значит заинтересовать в ее осуществлении непосредственных производителей. По официальным данным уровень оплаты в сельском хозяйстве с 95% к среднему по стране уровню в 1990 г. снизился до 53% в 2012 г. Это явилось прямым подрывом стимулов к производительному труду и вместе с тем главной причиной оттока из села трудоспособного населения, прежде всего молодежи, хотя всякому ясно, что от ее трудовой активности и желания оставаться и работать в деревне решающим образом зависит будущее аграрного сектора страны. К сожалению, и по новой Госпрограмме по сельскому хозяйству на 2013-2020 гг. «планируется» поднять уровень оплаты труда в сельском хозяйстве по

отношению к среднему по экономике на 2 пункта, т.е. до 55%, в то время как в развитых странах соответствующие показатели выравниваются или имеют минимальные различия.

Неблагоприятной остается гендерная структура сельской молодежи, ее физическое состояние. Это относится и ко всему трудоспособному сельскому населению. Село отличается крайне низким уровнем и качеством жизни, лидирует по уровню бедности, потреблению алкоголя (особенно суррогатного) на душу населения (вдвое более высокому по сравнению с городом), заболеванию туберкулезом, числу самоубийств и умственно отсталого населения на 10 тыс человек. Сохраняется разрыв в продолжительности жизни между сельчанами и горожанами.

Деградирует состояние необходимых для модернизации отрасли основных производственных фондов. Доля инвестиций в основной капитал аграрного сектора в их общем объеме по народному хозяйству снизилась за 1990-2012 гг. в текущих ценах с 16 до 3%. Это также ничем неоправданное ущемление важнейшей отрасли экономики уже потому, что доля сельского хозяйства в стоимости основных фондов страны (включая землю) составляет более 10%. При этом до реформы (1998-1990 гг.) на долю государства приходилось более половины капиталовложений в аграрный сектор, а рентабельность в нем превышала 30%. Теперь, при фактической убыточности отрасли доля государственных капиталовложений снизилась до символического уровня – 1,7%, что крайне негативно повлияло на состояние технической базы его модернизации.

Тракторный парк с 1365,6 тыс шт. в 1990 г. сократился до 281,1 тыс шт. в 2012 г., зерноуборочных комбайнов, соответственно, с 407,8 до 73,3 тыс шт. Нагрузка пашни на 1 трактор возросла за этот же период с 85 до 253 га, посевов на 1 зерноуборочный комбайн со 152 до 352 га и т.д., что в 4-5 и более раз превышает эти нагрузки в США, Англии и других стран с действительно индустриально развитым сельским хозяйством. Сельхозтехника крайне изношена и сроки ее эксплуатации перешли все

разумные границы. В крайнем упадке находится вся система сельскохозяйственного машиностроения.

Признак модернизации – повышение экономического плодородия почвы. На самом деле его уровень, прежде всего, вследствие сокращения удобрений полей стремительно снижается. При общем увеличении с 15,9 до 16,2 млн т производства минеральных удобрений (и одновременно резком удорожании их за тот же период) внесение удобрений в почву сократилось с 9,9 до 2,0 млн т, а в расчете на 1 га посевных площадей с 88 до 35 кг. Это негативно сказывается на урожайности сельскохозяйственных культур, уровень которой в 2,5-3,0 раза ниже, чем в развитых странах. На площади почти 90% пашни не вносятся органические удобрения. Вынос питательных веществ из почвы в 3 раза превышает их внесение. Более 80% произведенных в стране минеральных удобрений экспортируется и используется для повышения продуктивности земель бразильских и других западных фермеров.

Таким образом, призрачность реального модернизационного потенциала в развитии российского сельского хозяйства очевидна. В то же время фактическое положение дел представителями аграрного ведомства и высших и высших властей государства подменяется эйфорией по поводу якобы успешных дел в сельском хозяйстве, выражающихся, в частности, в росте зернового экспорта (в 2013 г. он оценивается в 16 млн тонн). Однако этот показатель отражает заведомую диспропорциональность в развитии отрасли, сужение кормовой базы, прежде всего ее комбикормового компонента, что ведет к огромным, эквивалентным 18 млн т зерна закупкам продукции животноводства, особенно говядины. Зерно экспортировали и в годы, якобы «социалистических» преобразований в деревне, оставляя животных и самих крестьян на голодном пайке.

О реальном благополучии в развитии сельского хозяйства и обеспечении продовольственной безопасности можно будет судить лишь при условии основанного на интенсивных факторах и модернизационной

стратегии развития отрасли *экспорта животноводческой продукции и полного удовлетворения страны в отечественном картофеле, овощах, а также основных видах садоводческой продукции.* Доля импорта последней составляет 60%, т.е. страна находится в недопустимой по имеющимся в стране условиям и возможностям развития садоводства импортной зависимости. Добиться реальных сдвигов в модернизационной стратегии в сельском хозяйстве, особенно в его социально-трудовой сфере можно лишь на основе обеспечения *главного народнохозяйственного по своей сути условия – эквивалентного обмена, подкрепленного активной протекционистской поддержкой села и преодоления порочной практики перекачки создаваемого в сельском хозяйстве национального дохода в пользу «партнеров» сельского хозяйства по АПК, заготовителей, торговцев, посредников, перекупщиков и фискальных органов государства* [8].

В теории и практике перекачки заложена общая социально-экономическая ущербность аграрной политики, лишенной в силу этого полномасштабного и высококвалифицированного проведения и завершения современной рыночной аграрной реформы и возможностей создания необходимого социально-экономического потенциала модернизации сельского хозяйства, всего АПК. С этих позиций экономически несостоятельными и социально несправедливыми являются идеи и практические государственные решения по-прежнему рассматривать и использовать сельское хозяйство как донора для обеспечения других общественных нужд, какими бы «историческими» и прочими потребностями это донорство не мотивировалось. *Масштабы производимого в отрасли национального дохода позволяют успешно и форсированно осуществлять модернизацию отрасли, если отказаться от подрывающей производительные силы села перекачки, т.е. перестать бесцеремонно обирать крестьянство.*

Показывая несостоятельность, деструктивность теории так называемого «первоначального социалистического накопления» и отвечая

«практикам» безответственного, насильственного введения ее в российской деревне во второй половине 20[x] годов XX в. в форме так называемой «чрезвычайщины», пресловутой военно-феодальной эксплуатации советского крестьянства, Н.И.Бухарин предупреждал о разрушительных последствиях такой теории и практики, причем не только для сельского хозяйства, но и для экономики страны в целом. «Наивно полагать, – писал он, – будто максимум годовой перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность обеспечит максимальный рост индустрии. Наоборот, длительно наивысший темп получается при таком сочетании, когда промышленность поднимается *на активно растущем* (подчеркнуто мною – И.Б.) сельском хозяйстве. В этом случае индустриализация вместо «паразитарного» процесса по отношению к деревне становится средством ее величайшего преобразования и подъема»[10].

Беспрецедентные результаты такого сочетания и межотраслевого взаимодействия доказаны практикой всех современных индустриальных стран с высокоразвитым сельским хозяйством. Если бы соблюдались оптимальные соотношения и пропорции развития промышленности и сельского хозяйства в России за 1928-1940 гг., то крестьянство не было бы доведено до крайнего уровня бедности, а страна могла бы поднять промышленную, в том числе военную мощь на более высокий уровень. «Нет сомнения, – пишет академик Ю.С.Пивоваров, – что советская власть нанесла страшный удар по человеку и привела к антропологической катастрофе. Тот тип индустриализации, который Сталин навязал России, оказался тупиковым. По подсчетам ученых, если бы развитие России продолжалось так, как оно шло с конца XIX в. и до 1917 г., то к 1940 г. Россия приблизилась бы к США»[11]. Этот вывод подтверждается и другими обоснованиями [9].

Власти современной России и субъекты монопольного окружения сельского хозяйства, бесспорно, ослабили бремя перекачки. Селу возвращается часть изымаемых у него государством, посредниками, «партнерами» по АПК доходов, но суммы этого возврата не отвечают

принципам эквивалентного обмена и социальной справедливости в отношении крестьянства. В 2009-2012 гг. только по расчетам на товарную продукцию сельского хозяйства государство и субъекты монопольного окружения села «выкачивали» из отрасли в среднем за год по 1,3 триллиона рублей вновь созданной стоимости отрасли. Селу же было возвращено через бюджетные назначения 1/10 этой суммы, причем *непосредственные производители получили менее ¼ этих назначений* [9]. По Госпрограмме на 2013-2020 гг. аграрный бюджет не превысит 5 млрд долларов. Для сравнения: правительство Китая в последние годы выделяет на поддержку сельского хозяйства в расчете на 1 га посевной площади в 30 раз больше средств, чем в России, что стремительно меняет всю картину сельского развития. В нашей стране даже «разрешенные» правилами ВТО размеры господдержки села в сумме 9 млрд долларов выделяются на 50%.

Нет необходимости говорить о роли в модернизации сельского хозяйства активной политики аграрного протекционизма в развитых странах. Здесь отрасль является действительным приоритетом экономической и социальной политики, что неизменно отражается в структуре государственного бюджета и абсолютных размерах его аграрного сегмента. У нас, к сожалению, в этом отношении преобладают декларации или объяснения «уже утвержденными» параметрами бюджета, которые можно характеризовать как проявления непрофессионализма и безответственности «утверждающих» в узловых вопросах экономической политики государства. В умах некоторых представителей экономического блока правительства вообще не изжита догма о сельском хозяйстве, как «черной дыре». Согласно этой догме аграрная составляющая государственного бюджета страны сокращена до 1,2% на 27% населения страны, против, например, 10% в «союзной» Республике Беларусь, 40% в бюджете ЕС (в годы Нэпа эта доля составляла 7,5%). Нынешние фактические размеры господдержки лишь в малой доле компенсирует убыточность сельского хозяйства, тогда как модернизационная направленность развития отрасли предполагает

обеспечение оптимального для необходимых накоплений уровня рентабельности СХО.

Государственная программа развития сельского хозяйства до 2012 г., предусматривавшая увеличение субсидирования и других видов поддержки сельского хозяйства определила его рентабельность (при той же вдвое заниженной оплате труда) на уровне 10% (вместо необходимой 20-25% при нормальной, средней по экономике оплате). В Программе был сделан упор на меры по кредитованию села, но обходятся острые вопросы ценообразования в АПК, прежде всего прямой целевой поддержки аграрных цен. В развитых странах современного мира она составляет до 80% общих размеров бюджетной поддержки, что как раз и является одним из узловых моментов целенаправленного регулирования агропродовольственного рынка и государственной поддержки процессов инновационного развития и всего процесса последовательной интенсификации сельского хозяйства. У нас по указанной Госпрограмме на регулирование этого рынка выделялось лишь 1,3% всех предусмотренных на нее финансовых средств, т.е. практически почти ничего. Считается (и это отражено в новой Госпрограмме по селу на 2013-2020 гг.), что все проблемы решит льготное кредитование, лизинг, разного рода субъективно устанавливаемые льготы.

Разумеется, важны и субсидированные, льготные кредиты, но их надо возвращать (наряду с колоссальной кредиторской задолженностью СХО, ставящей отрасль на грань банкротства). Финансовых возможностей такого возврата, если и далее «экономить» на заниженной оплате труда селян почти на 50% (тем самым «стимулируя» снижение трудовой активности и отток квалифицированных и перспективных работников из села), подавляющее большинство хозяйств, как показывает их финансовое состояние, не имеют. Совершенно иными были бы экономические условия воспроизводства и реализации модернизационной стратегии в сельском хозяйстве при соблюдении и поддержке ценового паритета, что изменило бы и функции, и результативность кредитной политики. Зачем СХО залезать в заемную

(«ростовщическую» по нынешним процентным ставкам) долговую яму, если они будут иметь собственные денежные источники, в том числе для покрытия сезонных затрат?

Понятно, что наряду с государственно поддержкой необходимы усилия самих СХО по повышению эффективности использования бюджетных и собственных ресурсов на реализацию модернизационной стратегии развития. Пока в той или иной мере это удается ограниченному числу хозяйств, прежде всего, представленным клубом «Агро-300», включающим 1,3% от общего числа крупных СХО. Здесь очевидна роль качества человеческого фактора, профессионализма руководителей таких хозяйств. Но одновременно это и результаты «добавочных» вложений, а, следовательно, более высокого уровня материально-технической оснащенности производства. Причем достигаются они, во-первых, за счет *приоритетного* получения бюджетных и кредитных ресурсов. Как правило, перераспределение этих ресурсов (как и в советские годы для создания «маяков» и престижа местных властей) осуществляется «выборочно» в пользу ограниченного числа, в основном, крупных предприятий. Во-вторых, эти предприятия обычно находятся в более благоприятных природных условиях ведения сельского хозяйства, местоположения, сбыта продукции, т.е. получают значительные суммы рентных доходов. Эффективный механизм перераспределения дифференциальной ренты в сельском хозяйстве практически отсутствует.

Много сейчас говорят и пишут о достижениях в сельском хозяйстве Белгородской области. Достижения действительно имеются. Но, ведь, область с богатейшим природным потенциалом имеет еще и массированную бюджетную поддержку. В последние годы она получала до 15% инвестиционной поддержки села из федерального бюджета. Это почти столько, сколько получили все остальные 16 областей ЦФО. Доля же области в валовой продукции села всего 3,2%. Приписываются все достижения субъективным факторам, агрохолдингам, хотя эффективность в последних

по данным мониторинга их деятельности часто ниже, чем во многих самостоятельных СХО. И это не только в Белгородской области.

В эффективном осуществлении модернизационной стратегии важное значение имеет формирование модели аграрного сектора с рациональной социальной структурой, правильным соотношением организационных типов СХО, эффективными методами хозяйствования и государственного управления. Если, опираясь на мировой опыт и учитывая российскую специфику многообразия условий и систем ведения хозяйства, ориентироваться на такую модель, отвечающую задачам действительной модернизации отрасли, то в ней должны занять свои ниши фактически сложившиеся типы крупных и средних хозяйств с преобладанием высокотоварного производства, включая сельскохозяйственные кооперативы, преимущественно вертикального типа. В рамках последних, как и всюду в мире будут успешно развиваться средние и мелкие товарные фермерские хозяйства. Перспективны и общества (товарищества) с ограниченной ответственностью, а также агрофирмы, агрокомбинаты, однако, при условии оптимизации их размеров и осуществления деятельности на основе рыночных методов хозяйствования, антимонопольных ограничений партнеров сельского хозяйства по АПК.

Учитывая, что процесс системной модернизации и производственной и социальной сферы аграрного сектора объективно является эволюционным по своей сути, длительным, в ближайшей перспективе сохранит свое значение и такая форма мелкого производства как приусадебные семейные хозяйства (ПСХ), имеющие свой потенциал модернизации и инновационного развития. Причем сравнительный анализ и сейчас показывает их высокую эффективность как по окупаемости затрат, так и по качеству продукции. По мере укрепления и расширения современного крупного сельскохозяйственного производства функции ПСХ будут меняться, вплоть до трансформации или в товарные фермерские хозяйства, или в обычные садово-огородные.

Однако все перспективные формы хозяйства могут реализовать свой модернизационный потенциал и обеспечивать высокоэффективную деятельность при адекватных технико-технологических и экономических, прежде всего, финансовых условиях воспроизводства. Чтобы удовлетворить финансовые потребности в минимально необходимом для *стартового* обеспечения действительной модернизации производства и всего сельского развития, а не только «маяков», в концепцию и механизмы аграрной политики нужно включить меры по устранению необоснованной ежегодной перекачки созданных в отрасли доходов, сокращения ее на 40-50%. Источниками пополнения аграрного бюджета (на первом этапе до 400-450 млрд рублей в год) могут стать нефтегазовая экспортная выручка, прогрессивный подоходный налог, природная рента, часть выручки от продажи земель сельскохозяйственного назначения, от экспорта продукции сельского хозяйства, прежде всего, зерна, сверхдоходы посредников и т.д. При этом в качестве первоочередной меры было бы социально справедливым списание всей, возникшей за годы реформ, кредиторской задолженности сельского хозяйства, как возникшей не по его вине, а вследствие диспаритета цен и общей фискальной макроэкономической политики государства по отношению к селу. Одновременно необходимо освободить от подоходного налога и СХО, оплата труда в которых ниже критического уровня (70% к среднему по экономике), а рентабельность ниже 15%.

Понятно, что ресурсы государства ограничены. Но ограниченность ресурсов, в т.ч. финансовых возможностей характерна для любой страны и как раз те из них, которые достигли огромного прогресса в сельском хозяйстве на деле исходят из его приоритета и формируют структуру бюджета в соответствии с задачами общей сбалансированности социально-экономического развития, создающего возможность системной модернизации и сельского и всего народного хозяйства. Даже если привлечь часть названных источников, что экономически оправдано и социально

справедливо (кстати, соответствует условиям присоединения России к ВТО), а, главное, вполне реально и в нынешних сложных социально-экономических условиях, то полученные суммы заведомо превысят указанную минимально необходимую величину аграрной части федерального бюджета.

Госпрограммой на 2008-2012 гг. из федерального бюджета намечалось выделить треть оптимально необходимых средств господдержки, причем в общей сумме этой поддержки села она составляла всего 39%. Остальное финансирование программы перекладывалось на региональные бюджеты и внебюджетные источники (соответственно 38,7% и 22,1%, а в абсолютном выражении на 5 лет 544,3 и 311,0 млрд рублей). Сомнение вызывает и привлечение значительных средств из внебюджетных источников, а также средств из региональных бюджетов дотационных субъектов федерации, а их в стране подавляющее большинство. Целевые индикаторы Госпрограммы по селу на 2013-2020 гг. мало что меняют в указанных соотношениях источников.

Что касается распределения аграрного бюджета, то здесь необходимо обеспечить, как строго дифференцированный подход с учетом эффективности производства, так и общую масштабную модернизацию всей сельской социальной и инженерной инфраструктуры, дорожной сети, системы связи, информационного обеспечения независимо от финансового состояния СХО. При нынешнем положении в социальной сфере села закрепить в деревне, особенно в пустующей сельской глубинке, уже подготовленные за годы реформ многие тысячи выпускников специальных учебных заведений аграрного профиля практически невозможно. Из-за отсутствия необходимых условий жизнедеятельности в деревне до 80% оканчивающих соответствующие ВУЗы предпочитают лучше уходить в другие отрасли экономики, часто на простые высокооплачиваемые рабочие профессии в городах, чем работать в селе. Но чтобы радикально изменить эти условия нужно не продолжать обирать и без того обездоленное крестьянство, эту корневую основу общенационального благосостояния, а, наоборот, в

интересах всего общества поддержать его мобилизацией (и имеющихся) необходимых для реальной модернизации отрасли ресурсов. В этих целях требуется упорядочить, наконец, общую структуру экономики и бюджетных расходов, умерив явно излишние спортивные, военные, космические, юбилейные и прочие увлечения властных регуляторов социально-экономического развития страны.

Ссылаясь на федеральную программу «Социальное развитие села до 2012 г.» ответственные должностные лица страны в последние годы нередко заявляли, что государство, исходя из декларированного в соответствующем национальном проекте «Развитие АПК» приоритета сельского развития, уже, якобы, выполняло перед крестьянством свои социальные обязательства. Но что это за «обязательства», если они согласно финансовому обеспечению программы составляют немногим более 1 тыс рублей на жителя села. За эти деньги можно заменить кран, в лучшем случае два. Какие задачи по развитию сельской социальной и инженерной инфраструктуры можно решить на эту сумму? В бюджете на 2010 г. по инициативе бывшего Министра финансов РФ были урезаны и эти обязательства.

В предвыборной статье Президента РФ В.В.Путина в январе 2012 г. по современным задачам экономического развития страны в отношении приоритета сельского хозяйства, следовательно, его модернизационной стратегии, инновационного развития кроме общих правильных тезисов об ориентации на опыт «всех развитых стран» [12], ничего конкретного не предлагается. Развитые страны потому и стали развитыми, что они опирались на протекционистскую аграрную политику. Российская же политика свидетельствует об отсутствии серьезных сдвигов в этом ее стратегическом направлении, особенно в преобразовании сельской социальной и инженерной инфраструктуры.

Чтобы не отвлекать хозяйства от своих основных функций производить зерно, мясо, другую продукцию в начале реформ власти решили передать важнейшие объекты этой инфраструктуры муниципалитетам, т.е.

чиновникам. А у них свои, часто больше личные заботы, да и средств или нет, или они используются «по усмотрению» этих чиновников. В итоге кинотеатры, клубы, библиотеки и т.д., которые худо-бедно раньше содержали колхозы и совхозы пустеют, имущество растаскивается, книги часто просто сжигаются. Не лучше обстоит дело с сельскими школами, объектами здравоохранения, а во многих сельских поселениях на обширных территориях центра России, Северо-Запада, Северо-Востока, Урала, Сибири вообще исчезли всякие признаки жизни и там уже некого ни учить, ни лечить.

Для действительной модернизации сельского хозяйства государству необходимо радикально пересмотреть аграрную и общую экономическую политику и на деле взять на себя объективно необходимые, отвечающие модернизационной стратегии, экономические и особенно социальные обязательства перед крестьянством по опыту «всех развитых стран». Только тогда появятся современные технологии, изменятся сами методы ведения сельского хозяйства, сформируется новый тип работника, владеющего этими технологиями и методами. Только тогда весь сельский социально-экономический пейзаж деревни преобразуется в такое качественное состояние, которое будет соответствовать статусу России, как мировой продовольственной державы.

Пока в таких преобразованиях преобладают больше намерения. Чтобы эти намерения воплотить в реальную и ответственную государственную экономическую политику, исключающую домыслы о сельском хозяйстве, как «черной дыре», то в ее формировании и проведении со всей очевидностью выделяются следующие направления: *1) главное из них – полное финансовое обеспечение приоритета сельского развития на ближайшую перспективу в указанных выше объективно необходимых и последовательно наращиваемых размерах, прежде всего, за счет возвращения селу основной части социально несправедливых и экономически необоснованных изъятий субъектами монопольного окружения отрасли созданного в ней национального дохода; 2)*

разработка и последовательное системное применение действенного механизма рационального использования бюджетных и собственных ресурсов СХО и 3) создание адекватного этим направлениям радикально обновленного аграрного законодательства.

Действующий экономический механизм АПК характеризуется крайне низкой эффективностью, вследствие чего и те скудные ресурсы господдержки села не дают должной отдачи и в значительных размерах не доходят непосредственно до производителя. А это значит, что нужно не только привлекать реальные дополнительные источники увеличения аграрной части государственного бюджета, но одновременно, опираясь на зарубежный опыт, разрабатывать и *применять действенный механизм строго целевого использования средств для государственной поддержки сельского хозяйства с ориентацией на критерий эффективности производства и общее масштабное преобразование условий труда и качества жизни в сельской местности*. Разовые акции по «латанию дыр», по проведению посевных работ, уборочных кампаний и т.д. во многом напоминают советскую практику принятия «исторических» постановлений партии и правительства по селу, да и самих ресурсорасточительных методов, затратного механизма их реализации.

Определенные элементы эффективного механизма управления развитием сельского хозяйства отражены в упомянутом национальном приоритетном проекте «Развитие АПК», а также в Государственной программе развития сельского хозяйства на 2008-2012 гг. Однако, рычаги и инструменты этого механизма противоречивы, не согласованы, т.е. не образуют единой, отвечающей принципам социального рыночного хозяйства системы, не выверены с точки зрения внутриотраслевых приоритетов, эффективности, необходимого ресурсного обеспечения, его дополнительных источников. Главное, они не предусматривают жесткой адресной ответственности за выполнение принятых решений. В итоге ослабляются или сводятся на нет как регулирующие, так и стимулирующие функции всей

системы государственного регулирования и управления сельским хозяйством. Этими же недостатками страдает и Госпрограмма по селу на 2013-2020 гг.

Призывать к опыту развитых стран, но ничего не менять и далее, оставляя сельское хозяйство в состоянии глубокого системного кризиса или ограничиваться полумерами, общими призывами и декларациями типа Доктрины продовольственной безопасности – значит, не задумываясь о последствиях, продолжать идти по зигзагам указанного, толком никем не объясненного «особого российского» пути, с его во многом советской «спецификой», в своеобразных формах трансформировавшейся в структуру нынешней вертикали власти с ее тем же «административным» ресурсом и волевыми, опрометчивыми решениями, которые, как показано выше, с особым «размахом» реализуются в проведении аграрной политики.

В условиях, когда такие решения или благовидные декларации стали нормой надеяться, что сельское хозяйство может выйти из трясины затянувшегося глубокого системного кризиса – значит предаваться иллюзиям. Преодолеть этот кризис и выйти на траекторию модернизационной стратегии аграрной политики возможно, судя по опыту этих стран, лишь в рамках теоретически выверенной и подтвержденной этим опытом *последовательно протекционистской модели аграрной политики*. Изобретать здесь какую-то призрачную конструкцию «особого пути», которую согласно поэтической притче «умом не понять» (и в которые надо бездумно «только верить») и втискивать в эти конструкцию реальную экономическую, в том числе аграрную политику – это путь в никуда не только для сельского хозяйства, но и страны в целом. По некоторым авторитетным оценкам это прямой путь к катастрофе [13], постигшей, как известно, и царскую Россию и «передовой» советский строй.

У человечества, независимо от национальных, «традиционных» и прочих второстепенных по значимости, особенностей стран и народов, есть один, глобальный объективно обусловленный, цивилизованный путь,

основанный на базовых и общечеловеческих ценностях, единых духовно-нравственных ориентирах и моральных устоях. Так, Финляндия, эта бывшая отсталая окраина России, достигла своего благополучия, в том числе в сельском развитии, благодаря тому, что ей удалось вовремя свернуть с «особого» российского пути и встать на закономерный, объективно обусловленный путь, лежащий в русле общего глобального мирохозяйственного процесса. Иную картину мы видим на соседних ????-финских землях РФ, да и всей сельскохозяйственной территории страны.

Что же касается действующего аграрного законодательства, то в принципе и особенно с точки зрения действительно приоритетной, активной протекционистской поддержки сельского хозяйства, оно нуждается в основательной «ревизии», всестороннем обновлении и систематизации. Если всерьез на общегосударственном уровне заняться созданием современного, устойчивого, высокоэффективного, системно модернизированного сельского хозяйства, то для его правового обеспечения необходимо разработать и принять полноценный Федеральный Закон «О сельском хозяйстве Российской Федерации» прямого действия. Такой закон, прежде всего, должен *определить и детализировать основные направления модернизационной стратегии с соответствующими государственными целевыми программами и проектами, содержать в себе весь комплекс мер по решению взаимосвязанных насущных задач коренного последовательно возрождения и действительной модернизации сельского хозяйства, следовательно, решения насущных задач коренного преобразования всего процесса сельского развития.* Без такой, основанной на широком народнохозяйственном подходе, модернизации села заранее нереально осуществить системную модернизацию всей экономики, а, значит, подвергнуть страну риску и далее оставаться, если не в хвосте, то на обочине мировой цивилизации.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 220.
2. Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Советская энциклопедия, 1980, т. 4, с. 462.
3. Аграрная политика России – современные тенденции. М.: ИМЭПИ, 1999, с.11.
4. Аграрная политика КПСС на современном этапе. М.: Политиздат, 1989, с. 14.
5. Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика России – XX век. М.: ВО Минсельхоз России, 2002.
6. АПК: экономика, управление, 1992, № 7, с. 8.
7. Абалкин Л.Н. Аграрная теория России. Вопросы экономики, 2009, № 9, с. 4.
8. Буздалов И.Н. Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики. Вопросы экономики, 2009, № 10.
9. Буздалов И.Н. Российское село и крестьянство в тисках монопольного окружения. М.: Изд-во Агрорус, 2013, с. 98.
10. Бухарин Н.И. Избранные произведения. М. Политиздат, 1988, с. 410.
11. Пивоваров Ю.С. Профиль, 2008, № 32, с. 21.
12. Путин В.В. О наших экономических задачах. «Ведомости», 30.01.2012 г.
13. А.Кончаловский. У России нет своего пути – свой путь ведет к катастрофе. АиФ, 15-16 апр. 2013